

Новая газ. — 2000 — 5 марта — с. 10

На картошке.
Осень 1978 г.

Пять лет мы учились вместе, пять лет мы не видимся, хотя каждый год третьего марта мы, однокурсники, приходим к нему на Ваганьковское кладбище.

Он не был лидером на курсе. Он был его душой. Он был связующим звеном между иногородними и москвичами, между школьниками и «акулами» пера и микрофона. Он имел хвосты и прогуливал семинары, любил компании, и компании любили его.

Молодежной редакции первого канала повезло. Кто-то из руководства вытащил счастливый билет — Владик Листьев перешел с радио во «Взгляд».

Мы радовались, что, став Владом, наш мальчик не заболел «звездной болезнью». Он помогал доставать дефицитные по тем временам лекарства и гордился нашими успехами.

В день похорон мы не претендовали на место у гроба. Мы собрались в прямом эфире у Тани Визбор и пели его любимые песни.

Сегодня я рад, что о нем забыли коллеги, любящие рыться в чужом белье. Но мне стыдно за тех, кто забыл о своих обещаниях.

Мы помним.

● Сергей КУЗНЕЦОВ
Фото автора

ДЕЛО ЛИСТЬЕВА: УБИЙЦ УЖЕ НЕ ИЩУТ

Когда поздним вечером 1 марта 1995 года в подъезде своего дома на Новокузнецкой был убит Влад Листьев, киллеров и заказчиков начали искать буквально час спустя, по горячим следам. Следственно-оперативную группу возглавил следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ Борис Уваров — профессионал и умница, начальство за упрямство и строптивость его не жаловало. Розыск убийц, как это и положено, вели оперы ФСБ и МВД, прокуратура каждую их наработку расследовала. Дело находилось на контроле у президента и генпрокурора — верный признак того, что и Уварову, и двадцати его помощникам на каждый их шаг обеспечены и вздрючка, и неудовольствие высокого начальства.

С первых же дней, как позже вспоминал Уваров, их торопили, в выражениях не стесняясь. Еще не были толком отработаны первые версии, как тогдашний и.о. генерального прокурора Алексей Ильищенко ляпнул на всю страну, что уже «видит свет в конце туннеля». А после ареста главного законника страны на короткое время сменивший его Олег Гайданов тут же обрадовал сограждан вестью, что подозреваемый в убийстве Листьева человек задержан и вот-вот во всем признается. Не вышло — чекистско-милицийское рвение оказалось липой, Гайданов был отправлен в отставку.

Ничего удивительного, что с первых же дней издерганное следствие то топталось на месте, то совершало глупость за глупостью. Москву оклеили фотороботами якобы киллеров — оказалось, что это рабочие, ремонтировавшие у Листьева квартиру. Потом ни с того ни с сего положили глаз на солнцевскую братву, бог знает сколько гонялись за тамошним боевиком Игорем Дашдамировым и снова сели в лужу — не тот.

Летом 95-го вообще случилось непонятное: в одночасье взяли да и выгнали Уварова — нечего ему возглавлять группу, которая никого не ловит. Начальствовать стал Владимир Старцев, года не прошло — убрали и его. Следствие отдало в руки человека, в прокуратуре знаменитого удачливым (вспомним хотя бы дело

«Голден Ада» с Бычковым и Козленком), — Петра Трибоя. Если кто думает, что смена следователей — событие рутинное, этикие шалости руководства, напомним: каждый новичок начинает с чистого листа бумаги и не менее 3 — 4 месяцев недвижимо проводит в кабинетном затворничестве — читает уйму бумаг, сочиненных предшественниками. Вот и представьте себе, сколько сиднем сидит тот же Трибой, если только в первые месяцы после трагедии на Новокузнецкой допросили около тысячи свидетелей?

А теперь посмотрим, что всем нам сообщали за пять лет неустанных розысков: по обыкновению, дело Листьева вспоминали раз в год, в первые дни марта, в очередную годовщину так и не разгаданного убийства.

Назначенный генеральным прокурором Скуратов от этой даты слегка отступил — перед журналистами он предстал 29 апреля 1996 года. Вот тогдашние его откровения: «Пусть вам не покажется, что если мы ничего не говорим о деле Листьева, значит, мы ничего не делаем. Отрабатывается несколько версий, и уже есть подозреваемые». Милейший Юрий Ильич либо заблуждался, либо говорил неправду — как у него это лихо удается, мы все всё видели совсем недавно.

Прошел еще один год, и 3 марта 1997 года президент устроил Скуратову выволочку в Кремле, о которой сам рассказывал с удовольствием. Громкие преступления, пенял Ельцин Скуратову, скрываются за общими цифрами. Дело об убийстве Влада Листьева и другие практически похоронены. И уж совсем для Скуратова жуткое: «Руководство прокуратурой осуществляется не генеральным прокурором, а со стороны». Что Ельцин имел тогда в виду — загадка, но монарший гнев и без того был страшен. Во всяком случае Скуратов лишь десять дней спустя воплотил высочайшие указания в редкий по бессмыслице приказ для подчиненных, который озвучил перед прессой начальник следственного управления Владимир Казаков: «Генпрокурор распорядился активизировать расследование убийств священника Александра Меня, журналистов Владислава Листьева и Дмитрия Холодова, дал сле-

На сборах.
Лето 1981 г.

дователям указание довести эти дела до конца, невзирая на сроки расследования».

Подлинный скандал был приурочен к третьей годовщине гибели Листьева. Собираясь к Ельцину для очередной порки, Скуратов неосторожно брякнул журналистам, что при докладе президенту о ходе расследования дела Листьева он в разговоре затронет весьма важных персон страны.

Как утверждал чуть позже сам Скуратов, он обрадовал президента сообщением, что Генпрокуратура оптимистически смотрит на перспективы этого дела: «Прогресс очевиден!» Тогда, слушая Скуратова, я уже ничего не понимал: ни на одной версии следствие так и не остановилось, ни один подозреваемый даже близко не маячит, знакомые мне оперы из следственно-оперативной группы до делу Листьева уже

и нос в прокуратуру не кажут — какой же здесь, к черту, прогресс, да еще очевидный? И самое любопытное: кто же эти важные персоны, которых желал назвать президенту Скуратов? На том же брифинге Юрий Ильич не моргнув глазом опроверг самого себя: никто из ближайшего окружения президента в убийстве Листьева не замешан. И тут же ошарашил вестью, которая в устах главного законника страны вообще немислима. «В этом году, — сказал Скуратов, — по делу Листьева никто арестован не будет». Не это ли обещание так размягчило Ельцина, что он, в отличие от прошлого года, расстался со Скуратовым весьма милостиво?

А ведь буквально тогда же следователь Петр Трибой и не думал скрывать, что им в качестве свидетелей допрошены «солидные, уважаемые в обществе люди». И се-

товал: практически всех приходится уличать во лжи, на допросах они отрицают очевидные факты или признают их под напором доказательств. Ни для кого не было секретом, что у Трибоя бывали Борис Березовский, Андрей Разбаш, Сергей Лисовский, Бадри Патаркацишвили и многие другие небезызвестные люди. Кого из них обвинял во лжи Трибой? И кто принял на свой счет обещание Скуратова никого в том, 98-м году, не арестовывать?

В марте 1999 года было уже не до Листьева — Генпрокуратуру трясло после скандала со Скуратовым, полным ходом шла «зачистка» следственного аппарата — убрали Катыхина, Казакова, Чуглазова. А потом вообще было недосуг: принялись взрывать дома, восовать в Чечне, выбирать новую Думу, Ельцина отправлять на покой, а Путина звать на царство.

В середине февраля я позвонил Трибою — прошел слух, что он тоже в немилости. Петр Георгиевич меня

узнал, но разговаривать отказался: «Вы знаете, в какие времена мы живем — все вопросы только через наше управление информации».

Поскольку Трибой молчал, говорить пришлось мне. Я сказал, что знаю точно: если еще год назад два раза в месяц к нему приходили с докладом по делу Листьева офицеры ФСБ и МВД, нынче не ходят вовсе. Более того, прежней оперативной группы ни в одном, ни в другом ведомстве уже давно нет — известные мне офицеры или в Чечне, или занимаются другими делами.

И уж совсем бесспорное: если расследование убийства Листьева хотя бы формально контролировалось Скуратовым и Ельциным, то сегодня о нем понятия не имеют их преемники — ни Устинов, ни Путин. Спрашивать у них о том, кто и в кого стрелял в подъезде дома на Новокузнецкой мартовским вечером 95-го года наивно и глупо.

● Георгий РОЖНОВ

На «Поле чудес».
Ноябрь 1991 г.